

А. В. Симоненко

Сарматское погребение в Ногайчинском кургане: окончание диалога*

Keywords: Nohaichik Kurgan, Sarmatian burial, Zaitsev, Mordvintseva, paper, form, dialog, notes, discussion.

Cuvinte cheie: tumulul Nogaicik, mormânt sarmațian, Zaițev, Mordvințeva, articol, formă, dialog, observații, discuție.

Ключевые слова: Ногайчинский курган, сарматское погребение, Зайцев, Мордвинцева, статья, форма, диалог, замечания, дискуссия.

A. V. Symonenko

The Sarmatian Burial in Nohaichik Kurgan: End of the Dialog

The paper discusses some not entirely correct research methods and breach of ethics of discussion in the course of studies of a rich Sarmatian burial in the Nogaichik Kurgan in Crimea.

A. V. Symonenko

Un mormânt sarmațian în tumulul Nogaicik: sfârșitul dialogului

În articol sunt discutate cazuri de aplicare a unor metode de cercetare care nu sunt pe deplin corecte, precum și anumite încălcări ale eticii de purtare a discuțiilor în cadrul cercetării unui mormânt sarmațian bogat din tumulul Nogaicik, Crimeea.

A. В. Симоненко

Сарматское погребение в Ногайчинском кургане: окончание диалога

В статье обсуждаются случаи не совсем корректных исследовательских приемов и нарушений этики дискуссии при изучении богатого сарматского погребения, открытого в Ногайчинском кургане в Крыму.

В 1974 г. Северо-Крымская экспедиция под руководством А. А. Щепинского у с. Червоное Нижнегорского р-на Крымской области УССР (ныне Автономная Республика Крым в составе Украины) в кургане №5, названном «Ногайчинским», исследовала впускное

сарматское погребение №18 с большим количеством драгоценных украшений и других интересных и порой уникальных вещей. История изучения этого комплекса с перечнем публикаций до 2003 г. приведена в статье Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой

* Эта статья написана одним из авторов дискуссии о дате Ногайчинского кургана. В ней не разбираются методические подходы к датировке комплекса и не аргументируются еще раз основные положения автора по поводу хронологии отдельных типов погребального инвентаря. В статье рассмотрены принципы дискуссии с оппонентами, этическая сторона взаимоотношений ученых, занимающихся общей проблематикой и имеющих различные точки зрения по наиболее важным,

ключевым вопросам. Хотя А. В. Симоненко озаглавил свою статью как «окончание диалога», тем не менее, оппоненты, упомянутые в данной работе, могут ответить А. В. Симоненко на страницах журнала «Stratum plus». Окончание дискуссии для одного из оппонентов может означать для другого только ее начало. Остается надеяться, что при этом будут соблюдаться академический стиль и этические нормы ведения научных споров.

Редколлегия номера

(Зайцев, Мордвинцева 2003: 61—62)¹, которая и открыла дискуссию о датировке этого выдающегося памятника сарматской культуры Северного Причерноморья. В этой работе были введены в научный оборот материалы, отсутствовавшие в предыдущих публикациях (Щепинский 1976: 525—526; 1977: 75—76; Ščepinskij 1994: 87—106; Симоненко 1993: 70—75), а также пересмотрена датировка памятника.

За прошедшие 10 лет мы неоднократно обращались к этому выдающемуся памятнику (Зайцев, Мордвинцева 2004: 290—297; 2007: 319—358; Зайцев, Мордвинцева 2004: 17—25; Симоненко 2006: 142—145; 2006а: 110; 2007: 57—66; 2011: 36, 71—74, 87—88, 94—109, 116—123). По мнению Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой, наиболее вероятной датой совершения погребения №18 являются 50-е — 40-е гг. I в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева 2004: 23) или, как сказано в более поздней работе, «I в. до н.э. с акцентом на вторую треть или время около середины этого столетия»² (Зайцев, Мордвинцева 2007: 343). Я по-прежнему считаю, что, несмотря на раннюю дату некоторых ювелирных изделий (Симоненко 2006: 142), комплекс погребения №18 должен датироваться по наиболее поздним вещам, аналоги которым происходят из памятников I — начала II в. н.э. (см. ниже).

В названии последней статьи Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой, посвященной Ногайчинскому кургану (Зайцев, Мордвинцева 2007), фигурируют слова «диалоги с оппонентом», сиречь, со мной. Статья весьма полемическая и большая, поэтому я даже кратко не стану останавливаться на ее содержании. Могу лишь сказать — наш спор в силу накапливавшихся взаимных возражений, разногласий, недоразумений и претензий (иногда обоснованных, иной раз, увы — нет) осложнился привнесением в него эмоционального отношения к аргументам и репликам оппонента, о чем остается только сожалеть. Здесь я принципиально не стану полемизировать по поводу противоположных позиций в подборе аналогий, датировке и других научных аспектов спора — все заинтересованные коллеги могут еще раз перечитать дискуссию

и решить, кто же прав. Вынужден остановиться на форме нашего «диалога».

В заключительной части статьи мои оппоненты достаточно резко характеризуют якобы присущий мне стиль ведения дискуссии, отличающийся «значительной свободой речевых оборотов, необычных для научной лексики и нередко оскорбительных» (Зайцев, Мордвинцева 2007: 343). Правда, я не совсем понимаю, что так обидело их: в иронии или саркастических вопросах нет ничего оскорбительного (хотя это довольно острый прием), а большего отклонения от научной лексики я себе никогда и не позволял — это нетрудно установить, перечитав мои работы. Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева в конце статьи выражают «сожаление по поводу специфических методов и приемов, с помощью которых наш оппонент пытается доказать свою правоту...: искажение смысла источника в нужном ему направлении, обвинение в профессиональной недобросовестности оппонентов, подкрепленные лишь сомнениями и подозрениями, но не фактами, а также вольное или невольное замалчивание невыгодных ему фактов» (Зайцев, Мордвинцева 2007: 343). Я не знаю, смысл какого источника я искажил (в данном случае источником может являться только публикация памятника, об этом позже), но повод для «обвинений, подкрепленных лишь сомнениями и подозрениями» дали сами оппоненты. Следующие ниже строки были написаны сразу после знакомства со статьей 2003 г., однако я воздерживался от их публикации, поскольку как раз не хотел обвинять оппонентов в профессиональной недобросовестности. Коль скоро мне все равно ставят это в вину, не вижу смысла молчать далее.

Замечание о «неполном перечне» в моей публикации находок из Ногайчинского кургана (Зайцев, Мордвинцева 2003: 61) требует некоторого комментария. После раскопок погребения №18 золотые украшения были сданы в Музей исторических драгоценностей Украины (г. Киев). Остальная часть комплекса (серебряные сосуды и ложки, стеклянная чаша, фаянсовая тарелка, керамический кувшин, сосуды из гагата и алебаstra, бронзовое зеркало, бусы, находки в насыпи и проч.) хранилась в так называемом Народном музее археологии Крыма (далее НМАК) на общественных началах. Попасть туда и ознакомиться с материалом специалисту можно было только с разрешения и в присутствии А.А. Щепинского, что было практически невозможно из-за своеобразной трактовки им

¹ Статья (Mordvintseva, Zaitsev 2003) является английской версией этого же текста.

² Здесь и далее курсивом выделены цитаты из работ Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой.

научной этики, прав и обязанностей автора раскопок. Отчет о раскопках 1974 г. поступил в архив Института археологии в 1978 г. Он состоит из тома текста и альбома иллюстраций. Полевые чертежи и дневники не были сданы ни в архив Института, ни в Крымский филиал и находились у А. А. Щепинского³. В отчете погребение №18 описано на 1,5 страницах текста более чем кратко (Щепинский 1978: 54—55). В конце отчета помещена «Опись археологического материала», где дан перечень находок из погребения с указанием материала, количества и некоторых размеров. В альбоме иллюстраций есть общий план кургана и фасы бровок (при этом условные обозначения в легенде на с. 45—46 перепутаны), ракурсное фото погребения и два фото отдельных участков могилы с ножом и щеткой вместо масштаба, а также мелкие фотографии нескольких вещей очень низкого качества, в ракурсе и без масштаба.

Таким образом, для полноценного исследования оставались доступны лишь украшения из коллекции МИДУ. Это обстоятельство было оговорено в книге (Симоненко 1993: 70), и «неполный перечень» вещей, в котором меня упрекнули Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева, оказался таковым отнюдь не от недостатка желания (что было прекрасно известно моим оппонентам).

Подобное смещение акцентов и применение фигуры умолчания (эти приемы в 2007 г. были вменены в вину мне) почему-то стало одним из основных методов построения статьи 2003 г. Вот несколько примеров этого приема только во вступительной ее части.

Статья А. А. Щепинского (Šćepinskij 1994) характеризуется как работа, «где погребение кургана Ногайчик было представлено в контексте сарматских древностей конца II в. до н. э. — I в. н. э., впервые рассмотрены некоторые особенности обряда и даны план погребения, рисунки и фотографии многих находок, упоминаются отдельные вещи, отсутствующие в публикации А. В. Симоненко» (Зайцев, Мордвинцева 2003: 61). Весьма почтенный отзыв... Не совсем понятно, какие же именно особенности обряда, не названные мной, «впервые рассмотрены» А. А. Щепинским⁴. Если же внимательно про-

честь, как это погребение было «представлено в контексте» (Šćepinskij 1994: 101), оценить качество плана и рисунков (рис. 1: 1—3) или задуматься, почему «отдельные вещи» только «упоминаются» в статье, претендующей на публикацию богатейшего комплекса, то станет ясно, что Ю. П. Зайцев с В. И. Мордвинцевой сильно преувеличили достижения ее автора.

В связи с отмеченной ими «очевидной неполнотой» (Зайцев, Мордвинцева 2003: 62) предыдущих работ по Ногайчинскому кургану Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева предприняли полную публикацию памятника. Но нынешнее состояние и место хранения документов и материалов, на которых эта публикация базировалась, не были названы. Весьма туманно авторы пояснили, что «определенные сложности, связанные с выполнением этой задачи, вызваны различными обстоятельствами. За исключением изделий из золота, остальные предметы и полевая документация стали доступны для исследования лишь недавно и в разной степени»⁵ (Зайцев, Мордвинцева 2003: 62).

Что же это за «определенные сложности» и какими «различными обстоятельствами» они вызваны? Почему полевая документация на памятник, раскопанный на государственные средства почти 30 лет назад, «стала доступной» лишь недавно? Этими витиеватыми канцелярскими оборотами Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева завуалировали тот простой факт, что автор раскопок, пренебрегая всеми должностными инструкциями и научной этикой, максимально «засекретил» информацию, а затем волею судьбы утратил уникальные находки. Эту правду, как бы печальна она ни была, хотели скрыть из непонятных мне соображений.

В какой же степени авторам «стали доступны» предметы, исчезнувшие из поля зрения археологов после закрытия НМАК? Крымский краеведческий музей официально подтвердил отсутствие их среди переданных на инвентаризацию материалов А. А. Щепинского. Поэтому утверждение Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой о том, что они «находятся в процессе инвентаризации» в этом музее (Зайцев, Мордвинцева 2003: 65; 2007: 324), не совсем соответствует действительности — в ККМ поступили лишь

над саркофагом.

⁵ Рискую вызвать гнев моих оппонентов «свободным речевым оборотом», не могу не сравнить этот набор слов с куплетом популярной советской песенки: «Если кто-то кое-где у нас порой...».

³ Мне стало известно, что дневники А. А. Щепинского и другая полевая документация по этому кургану хранились и хранятся почему-то в архиве Бахчисарайского музея-заповедника.

⁴ Разве что я не упомянул о такой «существенной» детали обряда, как отделка серебром ножек балдахина

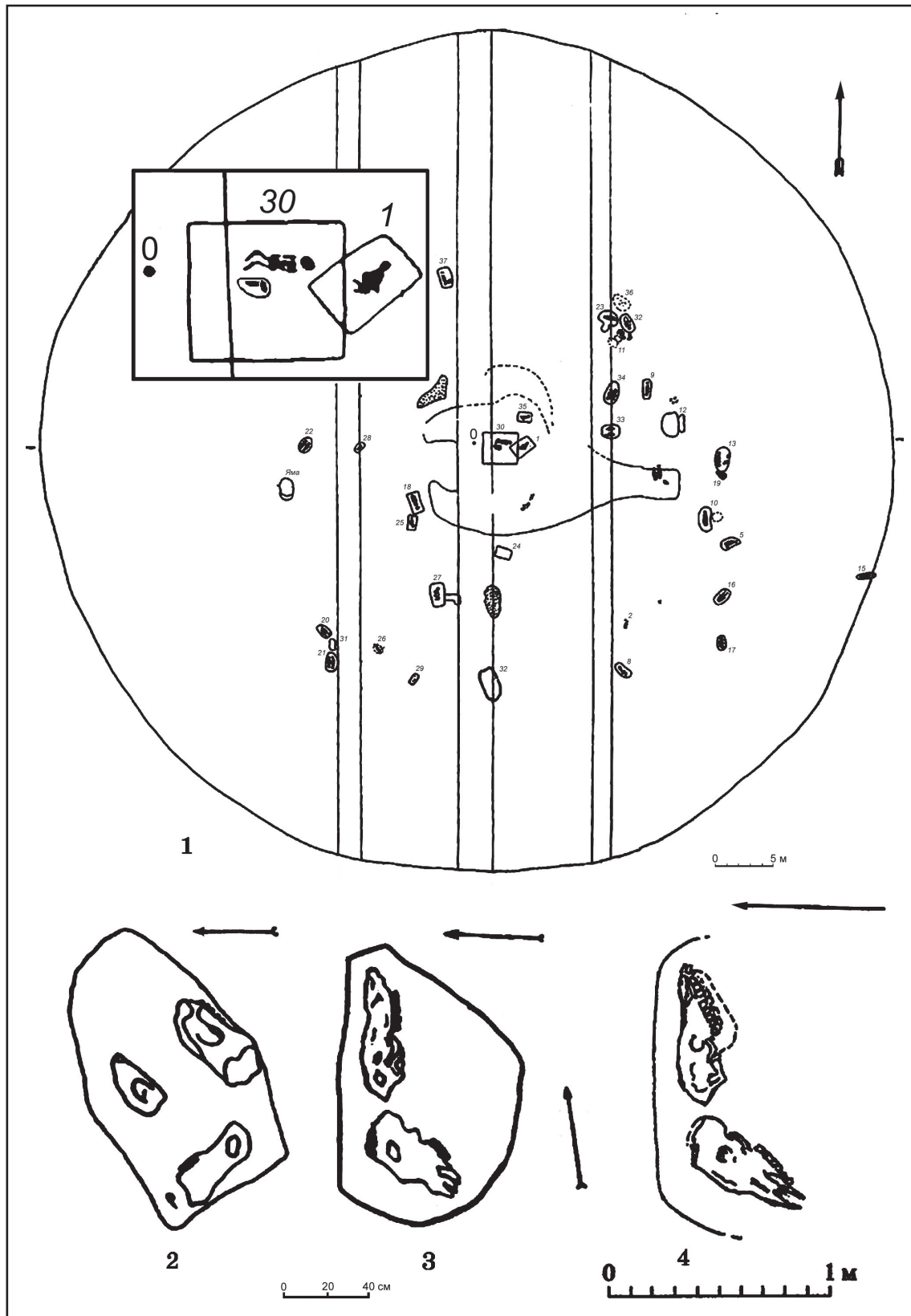

Рис. 1. Чертежи Ногайчинского кургана: 1 — общий план; 2 — яма с конскими черепами из к. 1 у с. Ровенки; 3 — яма с конскими черепами из Ногайчинского кургана (1—3 — по Щепинский 1978); 4 — то же (по Зайцев, Мордвинцева 2003).

Fig. 1. The drawings of Nohaichik Kurgan: 1 — the general plan; 2 — pit with horse skulls in Kurgan 1 near Rovenki village; 3 — pit with horse skulls from the Nohaichik Kurgan (1—3 — after Щепинский 1978); 4 — the same (after Зайцев, Мордвинцева 2003).

керамический кувшин, железные детали конской узды из насыпи, фрагменты серебряного кубка, алебастрового сосуда и железного ножа (рис. 4). Однако публикация 2003 г. сопровождалась профессионально выполненными рисунками вещей из НМАК в масштабе и с сечениями (Зайцев, Мордвинцева 2003: рис. 8; 11—14). Отсутствие каких-либо пояснений в подрисуночных подписях подразумевало, что рисунки сделаны с натуры — в противном случае должен быть указан источник, откуда рисунок скопирован.

Зная печальную судьбу хранившихся в НМАК вещей, я заинтересовался происхождением рисунков и спросил об этом моих оппонентов во время доклада на конференции в Анапе в 2004 г. Они не пожелали ответить на этот вопрос, ограничившись упоминанием полевых зарисовок В.А. Колотухина и неких «карточек с изображением вещей». Естественно, такой ответ никоим образом меня не удовлетворил, и в следующих публикациях я был вынужден обращать внимание на «анонимность» рисунков и, соответственно, относительную точность воспроизведения вещи (Симоненко 2006: 139, 144; 2007: 62, 64). И лишь в статье 2007 г. Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева признали, что их иллюстрации (во всяком случае, изображения чашки миллефиори и бус) являются копиями рисунков неизвестного автора, обнаруженными Ю.П. Зайцевым «среди архивных документов НМАК» в 2002 г. «вместе с некоторыми другими документами по Ногайчинскому кургану» (Зайцев, Мордвинцева 2007: 324, 339—340). Бывший сотрудник НМАК Л.А. Шумская в беседе со мной вспомнила, что у А.А. Щепинского, действительно, была папка с профессионально выполненными рисунками вещей из погребения №18, но после его смерти в процессе ликвидации НМАК она исчезла. Теперь мне понятно — куда. Непонятно лишь, зачем из этого было делать тайну и запутывать и без того запутанную ситуацию.

Чертежи погребения №18 в публикации А.А. Щепинского (Ščepinskij 1994: 88, Abb. 1) и статье Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой (Зайцев, Мордвинцева 2003: 63—67, рис. 3; 4) весьма отличаются друг от друга. Какие из этих материалов аутентичны, трудно сказать. Обычно такие сомнения разрешаются одновременной публикацией чертежа и фотографии объекта. В статье А.А. Щепинского есть фотографии погребения крупным планом (Ščepinskij 1994: 89—91, Abb. 2; 3), но разница между ними и планами погребения

в статье Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой более чем очевидна (рис. 2: 2—4). Я догадываюсь, что авторы статьи «облагородили» слабый полевой чертеж (рис. 2: 1), но это уже не источник, а реконструкция. Между тем, в подрисуночной подписи это не указано.

К гораздо более серьезным последствиям привела тяга моих оппонентов к реконструкциям в части исследования стратиграфической позиции погребения. Прежде всего, чертежи бровок в отчете А.А. Щепинского (рис. 3: 1) и статье Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой (рис. 3: 2, 3) не совпадают, как должно было бы быть на самом деле. Вероятно, последние также препарированы авторами⁶. Излагая последовательность совершения ритуальных действий (Зайцев, Мордвинцева 2003: 62—65), они умолчали о том, что это всего лишь их видение памятника — по отчетным документам это не столь очевидно.

Авторы безо всяких доказательств утверждали, что первым этапом похорон была нивелировка сарматами вершины насыпи эпохи бронзы для образования ритуальной площадки. На втором этапе в центре этой площадки была выкопана яма длиной около 2 м и глубиной 5,5 м⁷, и на дне ее захоронены две конские головы. На глубине 1 м от поверхности площадки, в заполнении ямы, был помещен плоский камень, а на 0,7 м выше помещались железные налобник с крючком, удила и псалии. В это же время на другом краю площадки было совершено захоронение №18 (Зайцев, Мордвинцева 2003: 62).

На полевом чертеже восточного фаса 1-й восточной бровки, действительно, видна уплощенная вершина насыпи (рис. 3: 1), но ближе к центру она заостряется, что видно на полевом чертеже восточного фаса центральной бровки (рис. 3: 2). На чертеже, препарированном авторами — нечто среднее между плоскостью и конусом (рис. 3: 4). Таким образом, площадка (если она была) находилась на восточном склоне насыпи. Погребение №18 было совершено к западу от центра.

⁶ На конференции в Анапе Ю.П. Зайцев намекал, что в отчете помещены намеренно искаженные чертежи, а он имел в своем распоряжении некие достоверные оригиналы. Прошу прощения, но в эту легенду я не верю — чертежи бровок из отчета и статьи моих оппонентов явно похожи, хотя и не идентичны.

⁷ Авторов не смутило, что выкопать такую узкую и глубокую яму в рыхлом грунте насыпи без крепежа практически невозможно. Я думаю, что яма с конскими черепами была мельче и, в таком случае, впущена не с уровня площадки.

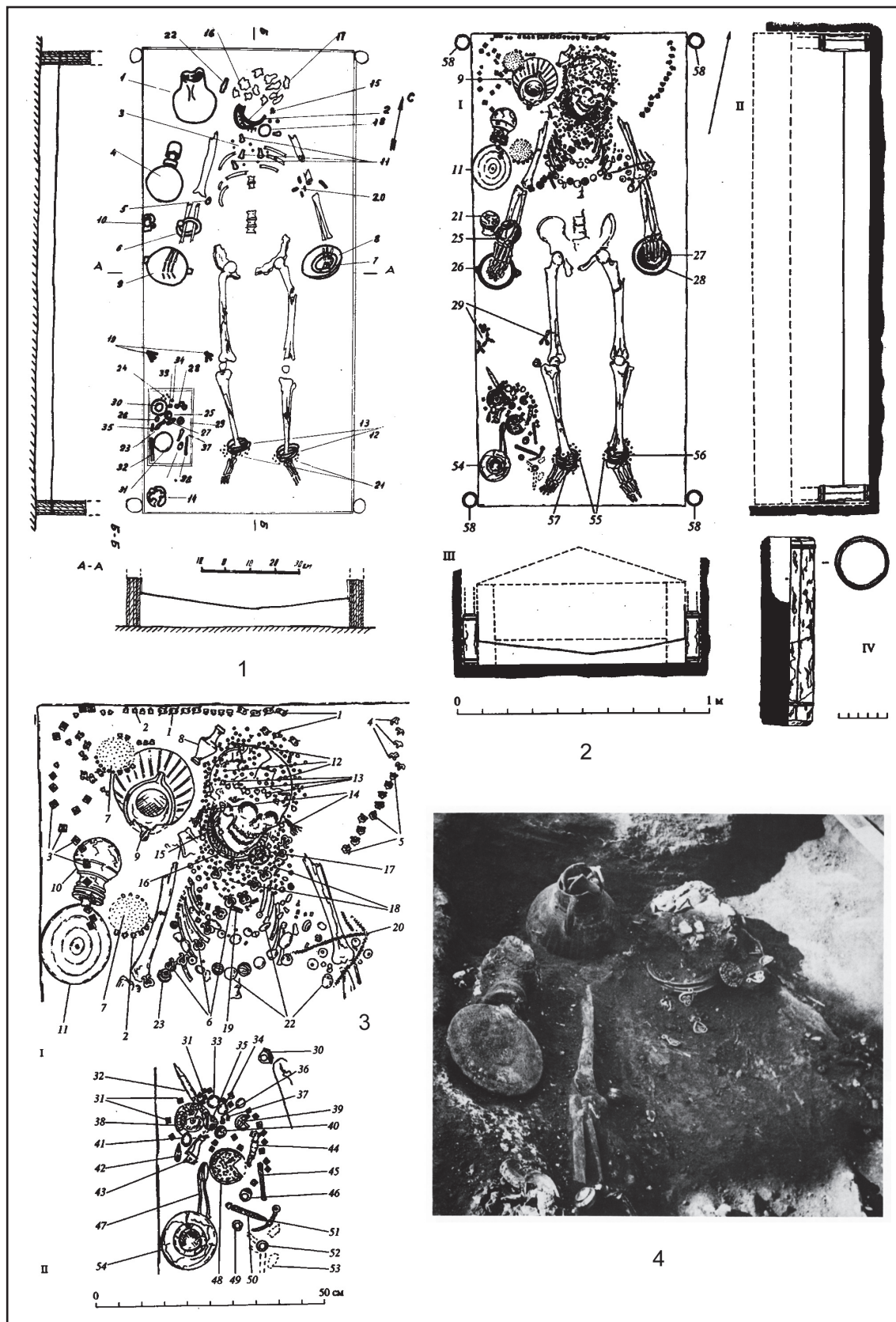

Рис. 2. Чертежи погребения: 1 — по Ščepinskij 1994; 2, 3 — по Зайцев, Мордвинцева 2003; 4 — фото по Ščepinskij 1994.

Fig. 2. The Drawings of the burial: 1 — after Ščepinskij 1994; 2, 3 — after Zaitsev, Mordvintseva 2003; 4 — photo after Ščepinskij 1994.

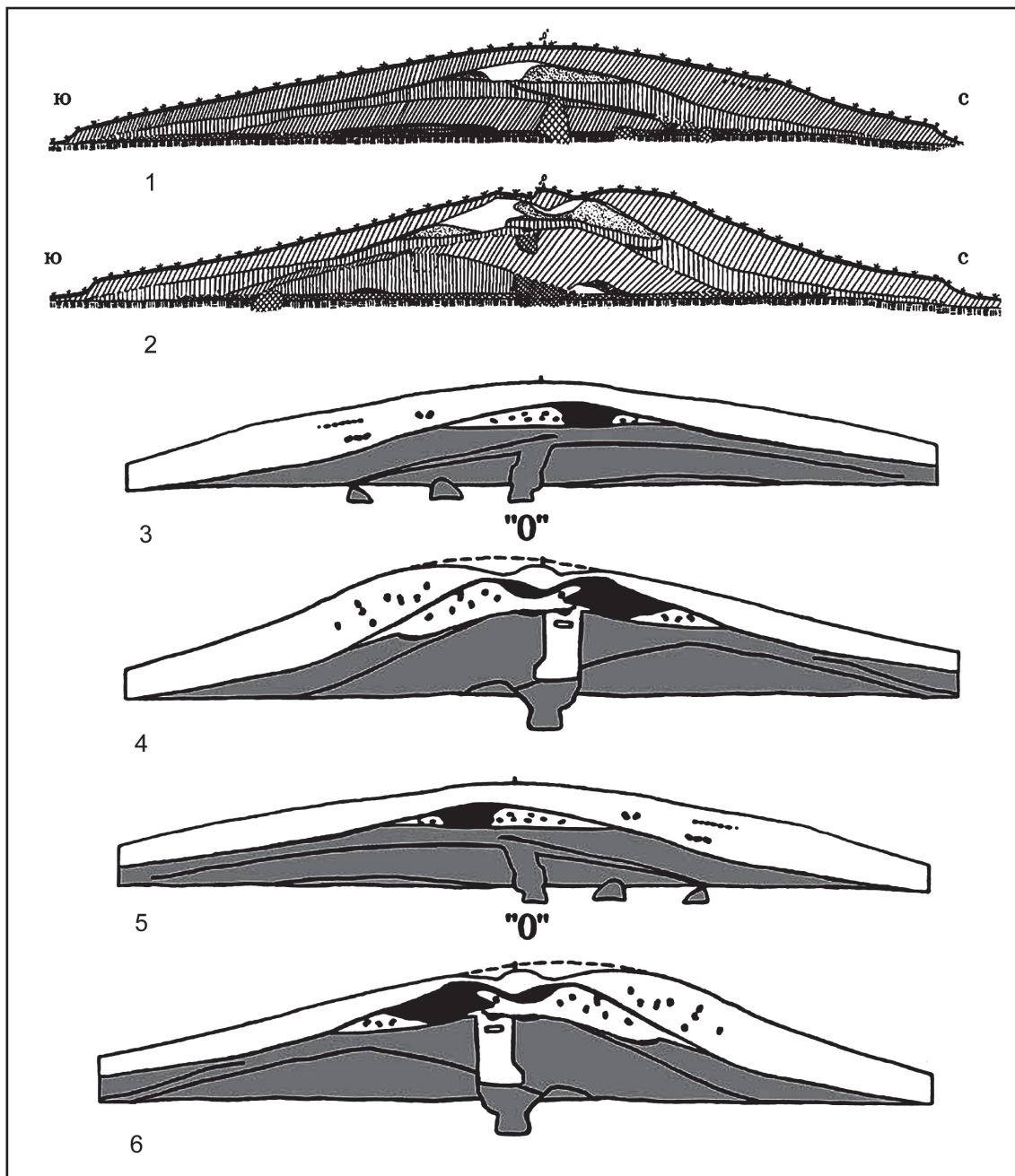

Рис. 3. Чертежи бровок Ногайчинского кургана: 1, 2 — по Щепинский 1978; 3, 4 — по Зайцев, Мордвинцева 2003 (зеркальное изображение); 5, 6 — то же, правильная позиция.

Fig. 3. The Drawings of the balks of the Nohaichik Kurgan: 1, 2 — after Щепинский 1978; 3, 4 — after Зайцев, Мордвинцева 2003 (the mirror image); 5, 6 — the same, correct position.

Из стратиграфии не следует, что площадка была устроена именно в сарматское время — в досыпке над ней никаких датирующих материалов обнаружено не было, а крупные куски истлевших бревен, которыми досыпка была насыщена «со времен раскопок» (каких? — А. С.), ее никак не датируют. Яма с конскими черепами и погребение №18 в бровка не попали (рис. 1: 1), и вертикальная стратиграфия не демонстрирует их связи и после-

довательности сооружения. Судя по чертежу и фотографии (Щепинский 1978: рис. 94; 116), оба объекта были зафиксированы практически на уровне костей, поэтому данных горизонтальной стратиграфии также ожидать не приходится (во всяком случае, ни автор отчета, ни авторы статьи их не приводят).

Таким образом, синхронность и принадлежность к одной и той же культуре ямы с конскими черепами и погребения №18 недо-

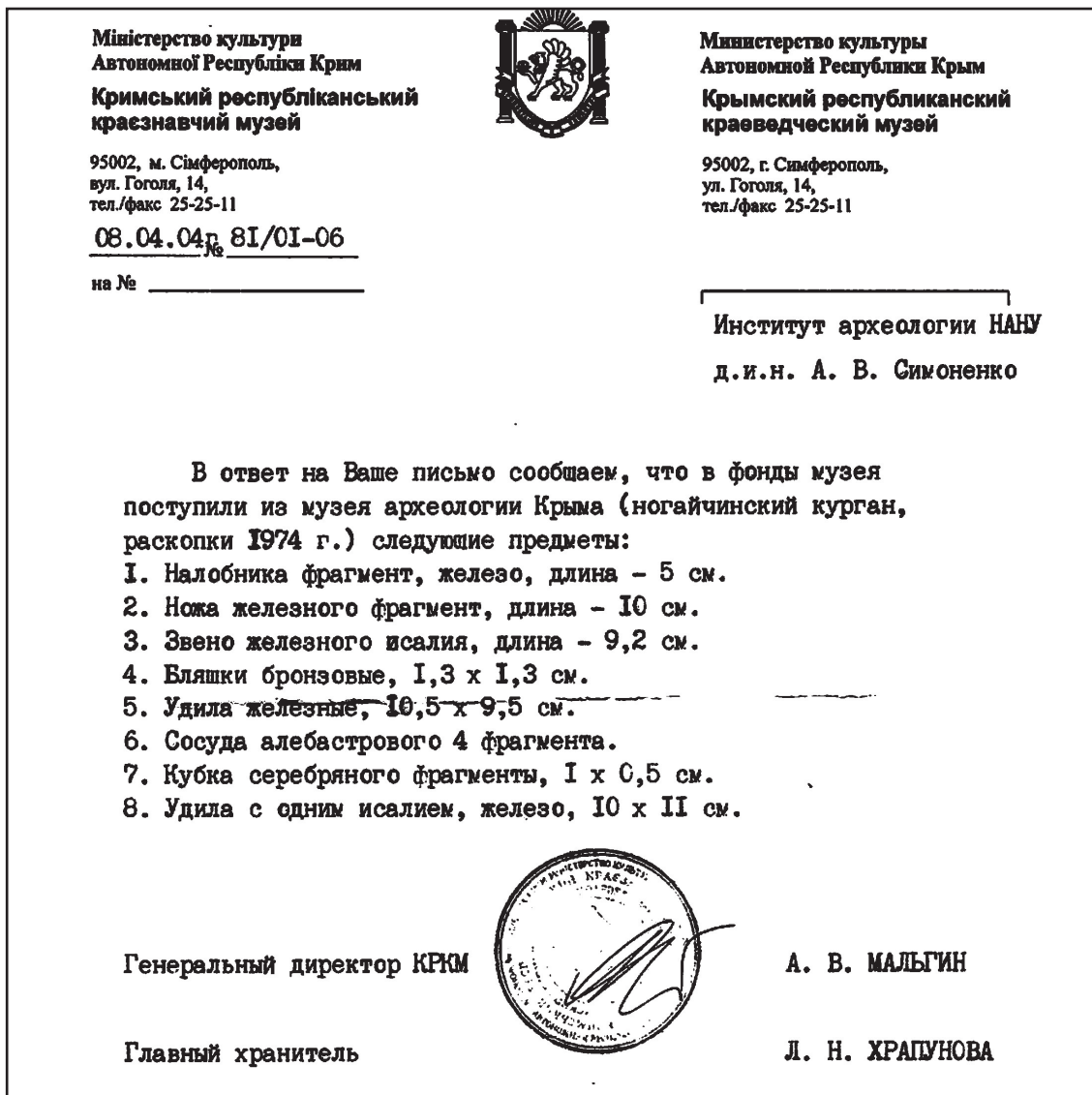

Рис. 4. Письмо директора Крымского краеведческого музея (факсимильное воспроизведение).

Fig. 4. Letter from the Director of the Crimean Museum of Local History (facsimile).

казуемы. Более того, в кургане эпохи бронзы №1 у с. Ровенки Советского р-на, исследованном той же экспедицией, обнаружена яма с тремя конскими черепами (Щепинский 1978: 14—15, рис. 14), практически идентичная яме из кургана №18. находка в ней кремневого скребка, следы охры на дне и отсутствие в кургане более поздних погребений позволяют отнести эту яму к эпохе бронзы. Сходство обеих ям настолько велико (рис. 1: 2, 3), что одновременность их не вызывает сомнений.

Гораздо выше ямы с конскими черепами был обнаружен ритуальный депозит⁸ — де-

тали конской узды (налобник, удила и пса-лии). По данным отчета, над ямой с черепами «на площади до 3 м² был прослежен перекоп (возможно, следы ограбления могилы)» (Щепинский 1978: 66). Именно в нем найдены камень, обломок амфорного дна и предметы конской узды. Скорее всего, последние находились в насыпи, а затем оказались в грабительском перекопе. Кроме того, ни разу «странные комплексы» не были связаны с захоронением конских голов — подобные вещи не встречались вместе. Их связь просто декларируется Ю.П. Зайцевым и В.И. Мордвинцевой.

Таким образом, прямого подтверждения тому погребальному ритуалу, который реконструировали Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева, стратиграфия кургана не дает. Судя

⁸ Я, вслед за М.Б. Шукиным, называю такие памятники «странными комплексами», Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева — «вотивнымикладами».

по ней, яма с конскими черепами, «странный комплекс» и погребение №18 никак не связаны между собой, одновременны и принадлежат разным культурам. Не допускает этой связи и археологический контекст «странных комплексов» — это находки снаряжения воина-всадника, абсолютно неуместные при женском погребении, пусть даже самого высокого ранга.

Показательно, что авторы не оговаривали гипотетичность своих построений, а декларировали их как единственно верные. Их не смутило, что в сарматской погребальной практике нет аналогий ни яме с конскими головами, ни сложному огненному ритуалу, реконструированному ими всего лишь на основании наличия прокаленной досыпки (неизвестно, какого времени). Мастерски нарисованная картинка (Зайцев, Мордвинцева 2003: 63, рис. 1: VI), увы, не заменяет документации, необходимой для такой реконструкции. Эту часть работы Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой научным исследованием назвать нельзя — перед нами наукообразно завуалированная смесь желаемого и действительного.

Спустя четыре года мои оппоненты признали «недоказуемость соотнесения набора конской узды из насыпи и ...погребения» (Зайцев, Мордвинцева 2007: 319, сн. 13). Однако их «реконструкции» были опубликованы на нескольких страницах центрального российского журнала и одного из популярных в мире англоязычных изданий, а признание их несостоятельности напечатано мельчайшим шрифтом в сноске к статье в крымском сборнике тиражом 500 экземпляров. И если первые уже прочно закрепились в памяти множества читателей, то второе заметили лишь посвященные коллеги. Случайна ли такая диспропорция? Это к вопросу о якобы характерном для меня «вольном или невольном замалчивании... фактов» и смещении акцентов (Зайцев, Мордвинцева 2007: 343). Для критика «смещение акцентов» иногда необходимо, чтобы обратить внимание на те обстоятельства, которые оппоненты пытаются затушевать или обойти.

В публикации комплекса Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева не ограничились препарированием чертежей. Если рисунки вещей из НМАК скопированы с чужого оригинала, то драгоценности, хранящиеся в МИДУ, насколько мне известно, зарисованы В.И. Мордвинцевой. Ее вольное обращение с натурой при рисовании артефактов уже было предметом критики, чтобы не сказать — справед-

ливого возмущения коллег (Засецкая 2006: 98, 120; Королькова 2010: 106). Правда, речь шла об изображениях предметов из эрмитажной коллекции, но такая практика появилась несколько раньше, если судить по рисунку гривны из Ногайчинского кургана. Она изображена неверно: витки корпуса сжаты (рис. 5: 2), тогда как у оригинала они растянуты (рис. 5: 1). По мнению Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой, витки «в настоящее время сильно разошлись под собственным весом» (Зайцев, Мордвинцева 2003: 73), и они, надо полагать, сочли нужным исправить эту «ошибку фортуны». Гривна экспонируется в МИДУ с 1974 г. на специальной подставке, и под действием силы тяжести могла бы, напротив, только сжаться. Кроме того, правила музейного хранения не предусматривают самопроизвольного изменения формы предмета ни «под собственным весом», ни под влиянием каких-либо иных факторов. В публикации 1977 г. гривна выглядит точно так же, как и сейчас (Щепинский 1977: рис. 4). Вероятно, авторы основывались в своей «реконструкции» на полевых фотографиях, где витки гривны действительно сжаты под тяжестью земли (Ščerinskij 1994: 91, Abb. 3)⁹. Однако вещь следует рисовать так, как она выглядит в момент зарисовки, а не так, как должна выглядеть по мнению исследователя. Сказанное касается и изображения железной двуйгольчатой застежки хрустальной фибулы в виде дельфина (Зайцев, Мордвинцева 2003: 82, рис. 15: 3). Если авторы рисовали эту фибулу (рис. 5: 4) с натуры в МИДУ, то пружинный аппарат и иглы отсутствовали на вещи с момента ее поступления в музей в 1974 г. (рис. 5: 3). Все эти манипуляции ставят под сомнение корректность иллюстраций к статье.

Таким образом, «разная степень» доступности Ю.П. Зайцеву и В.И. Мордвинцевой материалов и полевой документации погребения №18 означает, что они перерисовали часть вещей с фотографий или чьих-то рисунков, не указав этого в статье, а опубликованные чертежи кургана и точное расположение находок на плане погребения есть плод их творчества. О такой аранжировке, а, по сути, создании нового источника авторы были обязаны сообщить либо в тексте статьи, либо в подрисуночных подписях. Напомню: «искажение смысла источника в нужном... направлении»

⁹ И.Л. Алексеева, расчищавшая погребение, рассказывала мне, какой ужас охватил ее, когда под кистью вдруг зашевелилась земля, и гривна, распрямившись, возникла перед лицом!

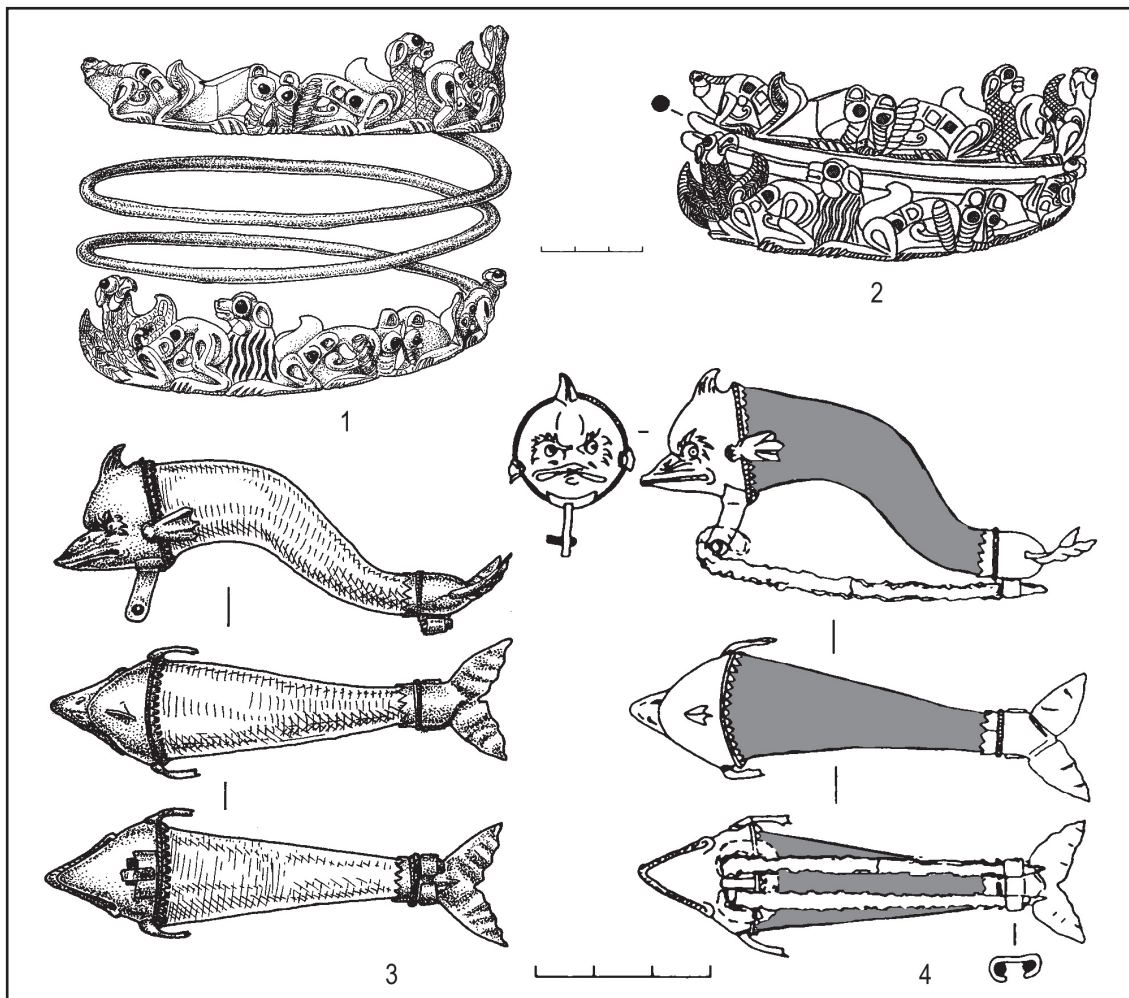

Рис. 5. Вещи из Ногайчинского кургана: 1, 2 — гривна и фибула (рисунки с натуры); 3, 4 — то же по Зайцев, Мордвинцева 2003.

Fig. 5. Objects from the Nohaichik Kurgan: 1, 2 — grivna and fibula (drawn from nature); 3, 4 — the same after Зайцев, Мордвинцева 2003.

есть один из вменяемых мне грехов (Зайцев, Мордвинцева 2007: 343).

Мои оппоненты оскорбились «безапелляционностью суждений и... откровениями из области прописных истин (если не сказать — поучениями)», не указав, какие именно из моих суждений так задели их. По принципу *audiebat et altera pars* хотелось бы напомнить им, что в обсуждаемой статье они «безапелляционно» указали мне, как следует работать с литературой (Зайцев, Мордвинцева 2003: 88), и тут же блестяще продемонстрировали искусство читать в нужном, по их собственному выражению, направлении. Защищая позицию М.Ю. Трейстера, они увидели в моем тексте мысли и идеи, которых там нет (Симоненко 2001: 190—194). В каком месте этой работы выражено мнение о «принципиальной невозможности» находки ранних украшений в более поздней моги-

ле? Где изложено предложение «датировать ногайчинские украшения... раннеримским периодом»? Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева, читая между строк, приписали мне положения, которых я не высказывал. Напомню — я лишь усомнился в правомочности безоговорочного принятия некоторых датировок искусствоведов и на основании самых общих наблюдений предположил, что позднеэллинистическая ювелирная традиция могла сохраняться и в раннеримское время. Эта гипотеза, а не заключение, как ее трактуют Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева (Зайцев, Мордвинцева 2003: 88), не претендовала на истину в последней инстанции и не предполагала развернутой аргументации, в отсутствие которой они меня упрекнули.

Упрекая меня за свободу «речевых оборотов, необычных для научной лексики», Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева считают,

надо полагать, вполне академичным небрежно называть «тенденцией» принятое авторитетными специалистами и обоснованное археологическим материалом изменение хронологических рамок ранне- и среднесарматской культур, а серьезные разработки и убедительные выводы Б. А. Раева в области аланской археологии «интересным наблюдением» (Зайцев, Мордвинцева 2003: 94). Судя по их датировке среднесарматской культуры I в. до н.э.— I в. н.э. (Зайцев, Мордвинцева 2003: 94—95), они не признают новой хронологии сарматской культурно-исторической общности, в числе авторов которой — учителя В. И. Мордвинцевой д-р ист. наук А. С. Скрипкин и канд. ист. наук И. В. Сергацков. Но свою приверженность той или иной спорной теории следует аргументировать, а не декларировать. В данном случае я могу вернуть Ю. П. Зайцеву и В. И. Мордвинцевой их назидание в мой адрес: «Этому посвящены специальные работы, с которыми можно спорить, но которые нельзя отвергать» (Зайцев, Мордвинцева 2003: 88).

Заключение авторов о том, что гривна сделана «кустарным способом», предполагает, вероятно, фабричное производство остальных «изделий золото-бирюзового звериного стиля» (Зайцев, Мордвинцева 2003: 95). Именно «кустарный» способ не дает им возможности связать изготовление гривны с определенным производственным центром. Следует ли понимать это так, что эти центры авторам известны и определены для других изделий?

И еще одно. В монографии В. И. Мордвинцевой (Мордвинцева 2003: 44) и совместной с Ю. П. Зайцевым статье (Зайцев, Мордвинцева 2004: 291) уточняется, что гривна была изготовлена специально для погребения и при жизни не носилась. Это предположение было сделано мной еще в 1993 г. (Симоненко 1993: 71), и никем

больше не повторялось. И хотя заимствование идей и наблюдений в нашей науке, увы, не считается плагиатом, систему ссылок еще не отменили.

И оскорбляться ли мне на неоднократные и несправедливые упреки моих оппонентов (Зайцев, Мордвинцева 2007: 325, 328, 337) по поводу якобы неизвестных мне работ зарубежных авторов (имеющихся далеко не в каждой библиотеке Европы и США)? Смею заверить, что с этими работами я знаком, но по тем или иным причинам не стал на них ссылаться (Симоненко 2011: 123). Не являются ли эти булавочные уколы теми самыми «обвинениями в профессиональной недобросовестности», которые Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева считают одним из моих полемических приемов?

И даже финал всей этой истории выглядит не совсем этично. После выхода сборника «Древняя Таврика», где была опубликована насыщенная перечисленными филиппиками статья Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой, канд. ист. наук С. Г. Колтухов принес мне официальные извинения от имени редколлегии за ее тон. По его словам, редколлегия не обсуждала эту статью, поскольку мои оппоненты, злоупотребив своим положением редакторов, включили ее в макет уже после обсуждения сборника и рекомендации его к печати.

«Врачу, исцелися сам». Тон и итоги нашей полемики огорчают меня как археолога и человека. Предъявляя друг другу взаимные претензии, мы все же говорим на разных языках. В 2003 г. меня удивили и возмутили «исследовательские приемы» моих оппонентов, о которых я был вынужден рассказать. Я сожалею, что пошел на поводу у своего возмущения и позволил себе высказывания, которые сочли резкостью. Мой диалог с оппонентами окончен — больше о Ногайчинском кургане я говорить не намерен.

Литература

- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ* (3), 61—99.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2004. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников 2*. Санкт-Петербург: Изд-во ГЭ, 290—297.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2007. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом. В: Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 319—358.
- Засецкая И. П. 2006. О новом исследовании по проблеме полихромного звериного стиля. *ВДИ* (2), 97—130.
- Королькова Е. Ф. 2010. О путях исследования звериного стиля (к проблеме метода и этики в новейших работах по искусству сарматской эпохи). *РА* (4), 101—109.
- Мордвинцева В. И. 2003. *Полихромный звериный стиль*. Симферополь: Универсум.
- Мордвинцева В. И., Зайцев Ю. П. 2004. Похоронения царицы в Ногайчинском кургане. *Археология* (3), 17—25.
- Симоненко А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка.
- Симоненко А. В. 2001. О датировке и происхождении

- античных драгоценностей из погребений сарматской знати I — начала II в. н. э. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства* 2. Санкт-Петербург: Изд-во ГЭ, 190—194.
- Симоненко А. В. 2006. Стекло миллефиори в сарматских погребениях. В: Симоненко А. В. (отв. ред.). *Liber Archaeologicae: Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар: Изд-во ЮНЦ РАН, 137—152.
- Симоненко А. В. 2006а. Несколько замечаний по поводу разного подхода. В: Клепиков В. М. (отв. ред.). *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения* 1. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 101—117.
- Симоненко А. В. 2007. Стекланные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника). *Археология, этнография и антропология Евразии* 29 (1), 57—66.
- Щепинский А. А. 1976. К истории сарматов в Севером Причерноморье. В: *Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран*. Ереван, 525—526.
- Щепинский А. О. 1977. Скарби сарматської знаті. *Вісник Академії наук УРСР* 10, 75—76.
- Щепинский А. 1978. *Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции в 1974 г.* НА ИА НАНУ. Ф. Э. 8365, 54—55.
- Mordvintseva V. I., Zaitsev Yu. P. 2003. The Nogaichik Burial Mound in the Steppes of the Crimea. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9 (3/4), 193—258.
- Ščepinskij A. A. 1994. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Zeitschrift für Archäologie* 28, 87—106.

References

- Zaitsev Yu. P., Mordvintseva V. I. 2003. «Nogajchinskij» kurgan v stepnom Krymu. *VDI* (3), 61—99.
- Zaitsev Yu. P., Mordvintseva V. I. 2004. «Tsaritsa» iz Nogajchinskogo kurgana: vozmozhnosti istoricheskikh rekonstruktsij. V: Zuev V. Yu. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov* 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo GE, 290—297.
- Zaitsev Yu. P., Mordvintseva V. I. 2007. Datirovka pogrebeniya v Nogajchinskom kurgane. *Dialogi s opponentom*. V: Zaitsev Yu. P., Mordvintseva V. I. (red.). *Drevnyaya Tavrika*. Simferopol': Universum, 319—358.
- Zasetskaya I. P. 2006. O novom issledovanii po problemam polikhromnogo zverinogo stilya. *VDI* (2), 97—130.
- Korol'kova E. F. 2010. O putyakh issledovaniya zverinogo stilya (k probleme metoda i etiki v noveyshikh rabotakh po iskusstvu sarmatskoj epokhi). *RA* (4), 101—109.
- Mordvintseva V. I. 2003. *Polikhromnyj zverinyj stil'*. Simferopol': Universum.
- Mordvintseva V. I., Zaitsev Yu. P. 2004. Pokhovannya tsarytsi v Nohajchyn's'komu kurhani. *Arkheolohiya* (3), 17—25.
- Simonenko A. V. 1993. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka.
- Simonenko A. V. 2001. O datirovke i proiskhozhdenii antichnykh dragotsennostey iz pogrebeniy sarmatskoj znati I — nachala II v. n. e. V: Zuev V. Yu. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva* 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo GE, 190—194.
- Simonenko A. V. 2006. Steklo millefiori v sarmatskikh pogrebeniyakh. V: Simonenko A. V. (otv. red.). *Liber Archaeologicae: Sbornik statej, posvyashchennyj 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva*. Krasnodar: Izd-vo YuNTs RAN, 137—152.
- Simonenko A. V. 2006a. Neskol'ko zamechanij po povodu raznogo podkhoda. V: Klepikov V. M. (otv. red.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury. Problemy sootnosheniya* 1. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 101—117.
- Simonenko A. V. 2007. Steklyannye i fayansovye izdeliya iz Nogajchinskogo kurgana (k diskussii o date pamyatnika). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 29 (1), 57—66.
- Shchepinskij A. A. 1976. K istorii sarmatov v Severom Prichernomor'e. V: *Tezisy dokladov XIV Mezhdunarodnoj konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran*. Erevan, 525—526.
- Ščepinskij A. O. 1977. Skarby sarmats'koi znati. *Visnyk Akademii nauk URSR* 10, 75—76.
- Ščepinskij A. 1978. *Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции в 1974 г.* НА ИА НАНУ. Ф. Э. 8365, 54—55.
- Mordvintseva V. I., Zaitsev Yu. P. 2003. The Nogaichik Burial Mound in the Steppes of the Crimea. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9 (3/4), 193—258.
- Ščepinskij A. A. 1994. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Zeitschrift für Archäologie* 28, 87—106.

Статья поступила в номер 5 марта 2012 г

Aleksandr Symonenko (Kiev, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine.

Aleksandr Symonenko (Kiev, Ucraina). Doctor în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Симоненко Александр Владимирович (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: simonal@ukr.net